

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1785](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785)

А. А. Шабунова, К. Е. Косыгина, Г. В. Белехова

ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: РОССИЙСКИЙ КЕЙС

Правильная ссылка на статью:

Шабунова А. А., Косыгина К. Е., Белехова Г. В. Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 186—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>.

For citation:

Shabunova A. A., Kosygina K. E., Belekhova G. V. (2021) Trust and Social Inequality: The Case of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 186–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>. (In Russ.)

ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: РОССИЙСКИЙ КЕЙС

ШАБУНОВА Александра Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: aas@vscc.ac.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>

КОСЫГИНА Ксения Евгеньевна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: sene4ka.87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

БЕЛЕХОВА Галина Вадимовна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: belek-galina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи доверия и социального неравенства в российском обществе. Для достижения цели был использован комплексный подход, сочетающий теоретическую мультидисциплинарность социологических и экономических теорий. Исследование опирается на официальную статистику, обширные базы социологических данных международного, общероссийского и регионального уровней. Анализ статистических источников показал, что в российском обществе сохраняется избыточное неравенство (с 2003 г. коэффициент фондов не опускался ниже 15 раз, а индекс Джинни ниже 0,4). С применением метода двухмер-

TRUST AND SOCIAL INEQUALITY: THE CASE OF RUSSIA

*Aleksandra A. SHABUNOVA*¹ — *Doc. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director*
E-MAIL: aas@vscc.ac.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>

*Kseniya E. KOSYGINA*¹ — *Research Fellow at the Department of Reserach on Living Standard and Life Style of Population*
E-MAIL: sene4ka.87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

*Galina V. BELEKHOVA*¹ — *Research Fellow at the Department of Reserach on Living Standard and Life Style of Population*
E-MAIL: belek-galina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. The article focuses on the study of relationship between trust and social inequality in Russian society. The methodological framework is an integrated multidisciplinary approach which combines sociological and economic theories. The research is based on official statistics and social surveys of international, national, and regional levels. The analysis shows that in Russia there is still excessive inequality (since 2003, the fund ratio has not dropped below 15 times, and the Ginny index is below 0.4). Using the method of two-dimensional distributions, we assessed the impact of social inequality on the level of generalized trust in Russia as a whole and the Vologda Oblast in particular. It was

ных распределений проведена оценка влияния социального неравенства на уровень обобщенного доверия в целом по России и Вологодской области. Выявлено, что для российского общества характерен низкий уровень социального доверия, вариации в сторону его повышения не прогнозируются. Существующее недоверие осложняется расслоением общества, сохранением значительных различий в уровне материального благосостояния населения, отсутствием взаимопонимания между бедными и богатыми.

Подтвержден факт зависимости уровня обобщенного доверия от экономической составляющей: со снижением материального благосостояния населения растет уровень недоверия. Делается вывод, что переменные неравенства и доверия образуют замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга. Практическая задача состоит в том, чтобы найти решение сложившейся ситуации. В качестве перспектив исследования обозначается выработка научно обоснованных предложений в решении проблемы соотношения социального неравенства и общественного доверия.

Ключевые слова: доверие, обобщенное доверие, социальное неравенство, российское общество, некоммерческий сектор, партисипаторный подход

revealed that the Russian society is characterized by a low level of social trust and its increasing trends cannot be predicted. The existing mistrust is compounded by the stratification of society, persistence of significant differences in the level of well-being of the population, and the lack of mutual understanding between the poor and the rich. The article confirms the fact that the level of generalized trust depends on the economic component: with a decrease in well-being of the population, the level of mistrust grows. We conclude that the variables of inequality and trust form a vicious circle with poles of inversely proportional impact on each other. The practical task is to find a solution to the current situation. As a further research prospect, the article indicates the development of science-based proposals in solving the problem of the relationship between social inequality and public trust.

Keywords: trust, public trust, social inequality, Russian society, non-profit sector, participatory approach

Введение

Актуальной проблемой современного мира является социально-экономическое неравенство регионов, государств, социальных слоев населения, людей. Неравенство, возникающее в различных сферах жизни: в доходах, в доступе к медицинской помощи, к хорошим рабочим местам, в жилищных условиях, в возможностях для детей из разных слоев общества, в доступе к образованию и т. д., — имеет значительные социальные последствия. Углубление и рост неравенства ведут

к снижению доверия людей друг к другу, а также к государственным, правовым и общественным институтам. Социальное неравенство и дефицит доверия — это причины, по которым в России медленнее, чем в развитых европейских государствах, идет формирование полноценного гражданского общества и социальных инноваций, что тормозит социально-экономическое развитие страны в целом [Лапин, Ильин, Морев, 2020; Козырева, Смирнов, 2019]. Доверие способствует консолидации общества, выступая основанием для отношений сотрудничества и солидарности, формирования гражданских ассоциаций, общественных и других социальных институтов, деятельность которых направлена на повышение качества жизни населения, решение социальных проблем, что помогает сократить социальное неравенство, затрудняющее общественное развитие.

Проблематика социального неравенства и доверия раскрывается в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных ученых. На фоне затяжного характера социального неравенства и особенностей исторического развития России возрастает необходимость выявления взаимосвязи между социальными феноменами неравенства и доверия в современной России, что и составило цель настоящего исследования.

Теоретические аспекты исследования: о проблеме доверия и социального неравенства

Доверие рассматривается как важнейшее свойство отношений людей, существенный компонент всех устойчивых межличностных и институциональных связей и ключевая характеристика развитого человеческого общества [Hosking, 2010; Фукуяма, 2004; Селигмен, 2002]. Доверие как вера в то, что другие не обманут нас, выступает неотъемлемым условием социального порядка, а также частью «внедоговорной» основы контрактов, которая делает возможными многие формы социального обмена и взаимодействия [Fairbrother, Martin, 2013: 347].

Исследование доверия носит междисциплинарный характер и из-за обилия социологических, политологических, философских, экономических, культурно-исторических и других работ достаточно сложно обозначить четкие границы конкретной отрасли знания в отношении определения данной категории. С точки зрения экономической логики можно выделить несколько подходов к определению феномена доверия. В рамках рационального подхода доверие рассматривается как ожидание, основанное на рациональном расчете и формальных правилах поведения со стороны потенциального партнера [Yamagishi, 2011]. Второй подход к доверию основан на понятии «моральной нормы» (добродетели) и может быть проиллюстрирован определением Ф. Фукуямы: доверие как «ожидание того, что члены сообщества будут вести себя честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями» [Фукуяма, 2004: 52]. Третий подход базируется на теориях социальной идентичности и самостоятельной категоризации и сосредотачивает внимание на различиях в уровнях доверия [Gaertner, Dovidio, Houlette, 2010]. В частности, считается, что люди различают, по крайней мере, два разных набора социальных взаимодействий и, следовательно, две разные группы доверия: внутригрупповое и внегрупповое доверие [Delhey, Newton, Welzel, 2011].

Доверие как экономическая категория складывается в процессе взаимодействия объектов, для него характерны культурная и социальная обусловленность, динамичность и изменчивость, возможность конструирования с помощью разнообразных инструментов и технологий (социальная и экономическая политики, выборы, пропаганда и проч.).

Наиболее распространена классификация доверия по уровню взаимодействия, в соответствии с которой различают межличностное, институциональное и обобщенное (или генерализованное, социальное, системное, деперсонализированное) доверие. Межличностное доверие обращено к конкретному индивиду или группе, институциональное — к любой подсистеме общества, а обобщенное доверие — к любому неизвестному индивиду или группе. В заявленном исследовании акцент делается на обобщенном доверии, поскольку современные реалии «предполагают ежедневное взаимодействие с незнакомыми людьми», а значит, «общее доверие считается более важным, чем конкретное» [Ромашкина, Давыденко, Ушакова, 2018: 467]. Кроме того, обобщенное доверие («доверие людям вообще») чаще связывают с более высоким уровнем жизни [Fukuyama, 1995; Beugelsdijk, de Groot, van Schaik, 2004], эффективными политическими и гражданскими институтами [Rothstein, Stolle, 2008], толерантностью и субъективным благополучием.

Феномен доверия обладает мощным общественным эффектом. Во-первых, это один из важнейших факторов, определяющих характер социальных отношений, способствующих установлению горизонтальных и вертикальных общественных связей. Дж. Коулмен подчеркивает важность доверия как фундамента общественных институтов — когда отношения доверия переходят на макроуровень, они формируют систему доверия, где играют роль нормативных предписаний в системных отношениях [Коулман, 2001]. «Сужение поля доверия влечет за собой серьезные социальные проблемы — от различных форм напряженности и отчуждения до открытых конфликтов» [Шабунова, Гужавина, Кожина, 2015]. Во-вторых, доверие и нормы являются важной составляющей экономического роста, политической системы и качества государственного управления [Algan, Cahuc, 2014; Guiso, Sapienza, Zingales, 2011]. Р. Инглхарт и К. Вельцель установили наличие сильной корреляции между уровнем межличностного доверия и благосостоянием граждан, экономическими успехами страны в целом, а также приверженностью населения демократическим институтам и ценностям [Инглхарт, Вельцель, 2011: 22]. В то же время уровень обобщенного доверия существенно влияет на общественно-политическую активность индивидов, на выбор гражданской позиции [Гужавина, 2018: 259]. В-третьих, установка на доверие проявляет специфику национальной культуры и характеризует субъективное восприятие жизни в текущий момент.

Доверие — сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений, и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста [Рукавишников, 2008]. В свою очередь, характеристики социального контекста включают в себя и уровень социального неравенства, под которым понимается специфическая форма дифференциации в обществе, когда отдельные индивиды или группы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравны-

ми жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей [Ильин, 2017]. Закономерно предположить, что неравенство как компонент социальных условий, в которых живут люди, может влиять на общественное доверие.

Большинство зарубежных исследований доказывают, что существует тесная связь между доверием и неравенством. На основе межстрановых сопоставлений и внутристранового анализа ученые получили эмпирические доказательства наличия отрицательной и статистически значимой связи социального неравенства со степенью обобщенного доверия [Zak, Knack, 2001; Uslaner, Brown, 2005; Uslaner, 2008; Leigh, 2006a; Cozzolino, 2011; Wilkinson, Pickett, 2009; Barone, Mocetti, 2016], подтверждая гипотетические предположения о том, что неравенство подрывает готовность людей доверять другим людям, особенно не являющимся членами их семей и близким кругом общения. Например, в работе [Alesina, La Ferrara, 2002] на основе данных социологического исследования населения США General Social Survey (GSS) за 1974—1994 гг. и статистических данных об уровне доходов и неравенстве (коэффициент Джини) обнаружено, что доверие ниже среди людей, которые живут в сообществе с высокой степенью неравенства доходов. В другом исследовании [Fairbrother, 2013] многоуровневый лонгитюдный анализ данных World Values Survey (WVS) за 1981—2008 гг. показал, что в странах, где неравенство увеличилось, население стало менее доверчивым. Д. А. Авдеева, используя данные WVS за 1998—2017 гг. для 103 стран, проанализировала корреляцию между уровнем обобщенного доверия и уровнем ВВП по ППС на душу населения и выявила, что «чем выше уровень доверия, тем более высоким оказывается уровень доходов» [Авдеева, 2019: 89].

Американские экономисты Э. Гулд и А. Хайдзен, как и американский политолог и социолог Р. Патнэм, утверждают, что социальное неравенство выступает важным фактором доверия, причем значение имеют неравенство возможностей (стартовые условия) и неравенство результатов (благополучия) [Gould, Hijzen, 2016; Putnam, 2015]. Профессора Эрик М. Усланер и М. Браун определили однозначную обратную зависимость: чем выше неравенство, тем меньше доверия. Рост неравенства обуславливает нисходящую динамику генерализованного доверия [Uslaner, Brown, 2005]. Даже в странах с низким уровнем неравенства, таких как Швеция, дисбаланс доходов в определенных возрастных группах может подрывать социальное доверие [Fabian, 2017; Gustavsson, Jordahl, 2008]. В то же время получены данные, показывающие, что после стабилизации в течение длительного периода определенного уровня неравенства оно оказывает на доверие меньшее влияние, в отличие от частого изменения масштабов неравенства в краткосрочном периоде [Hastings, 2018; Esping-Andersen, Nedoluzhko, 2017].

Общая логика объяснений возможного воздействия состоит в том, что неравенство доходов влияет на доверие из-за перестройки социальной жизни, из-за изменений в распределении доходов. Во-первых, «чем выше уровень экономического неравенства, тем выше „социальные барьеры“ между различными группами и тем меньше люди чувствуют связь с другими людьми, что, в свою очередь, препятствует формированию доверия» [Barone, Mocetti, 2016: 795]. Во-вторых, «движущим фактором может быть механизм эксплуатации: рост доходов одних групп может вызывать негодование у менее обеспеченных и бедных групп, которые в резуль-

тате могут чувствовать себя эксплуатируемыми, что порождает недоверие между социальными классами» [Hastings, 2018: 78]. В-третьих, изменяются восприятие и понимание справедливости: ущемленные в доходах слои считают, что у других есть несправедливые преимущества в распределении общественного богатства, тем самым возникают препятствия к доверительному отношению [Barone, Mocetti, 2016: 795]. В-четвертых, проявляется ресурсный конфликт — различные группы общества могут иметь разное представление о распределении общественных благ, что приводит к противостоянию мнений и конфликтам. Такое противостояние разрывает социальные связи и ослабляет формирование доверия и социальной сплоченности.

Чем более экономически стратифицировано общество, тем сильнее это влияет на обобщенное доверие [Tumin, 1953]. Возникают отдельные сферы повседневной жизни (изолированное жилье, частное образование, платное здравоохранение и т. д.), в которых исчезают понимание и доверие к «аутсайдерам» (эффект стратификации). Неравенство усиливает несправедливость — возрастают «нарушения закона, предвзятость судов, эгоизм власти <...>, которые попирают интересы рядовых граждан <...>, в результате чего появляется и усиливается протестная активность (от публичных выступлений до тихого бойкота инициатив, спускаемых сверху)» [Черныш, 2020: 25]. Теоретики конфликта (Р. Дарендорф) считают, что социальное неравенство мешает и тормозит прогресс общества. Когда в обществе перестают работать социальные лифты, позволяющие каждому индивиду эффективно и безболезненно реализовывать свои потребности в повышении социального и материального статуса, неравенство может стать деструктивным фактором, ведущим к социальной напряженности, создающим угрозу стабильности и препятствующим экономическому росту [Дарендорф, 2002].

Однако имеются работы, авторы которых не выявляют однозначной и значимой связи между неравенством и доверием. В частности, отсутствие связи между неравенством и доверием показано на примере Австралии [Leigh, 2006b], а также Китая [Whyte, 2010]. В работе [Fairbrother, Martin, 2013] отмечается, что снижение доверия в последние десятилетия нельзя объяснить ростом неравенства. Авторы обнаружили отсутствие продольной корреляции между неравенством и доверием и устойчивую негативную связь при поперечном анализе (то есть на уровне штатов США): в штатах с исходно высоким неравенством население менее доверчиво, однако в штатах, где рост неравенства доходов был выше среднего, доверие заметно не сократилось. По мнению ученых, такие результаты указывают на временной лаг в воздействии неравенства на уменьшение обобщенного доверия.

Вышеперечисленные исследования основаны на показателях объективного неравенства, чаще всего измеряемого через коэффициент Джини. При этом для межстрановых исследований характерен общий недостаток — из-за политических, социально-культурных, экономических различий между странами имеется риск фиксации ложной корреляции между переменными доверия и неравенства [Barone, Mocetti, 2016: 797].

Отдельный пласт составляют немногочисленные исследования взаимосвязи доверия и субъективного неравенства [Hu, 2017; Nishi et al., 2015; Janmaat, 2013]. Последнее рассматривается как уникальный конструкт, сочетающий восприятие человеком реальной ситуации и его представления об идеальном состоянии.

Установлено, например, что обобщенное доверие людей относительно ниже, когда они считают текущий уровень неравенства серьезной социальной проблемой [Ни, 2017: 17]. Однако при применении показателя субъективного неравенства необходимо учитывать, что оно обладает временным лагом, то есть объективно уровень неравенства изменился, но в субъективных оценках населения это еще не отразилось совсем или не в полной мере. Другими ограничениями показателя субъективного неравенства являются, например, недооценка людьми собственного благосостояния (уровня доходов), темпов изменения и масштабов неравенства, своего положения в распределении доходов.

Подведем итоги обзора литературы. Неравенству и доверию как самостоятельным категориям посвящено большое количество работ теоретического и эмпирического характера в различных областях знаний; широко представлены зарубежные исследования о влиянии неравенства на обобщенное доверие. Большинство существующих эмпирических исследований взаимосвязи между неравенством и доверием построены на объективной мере неравенства. Значительно меньше работ, опирающихся на субъективное неравенство. Однако причинно-следственная связь между неравенством и доверием еще далека от идентификации, в том числе между субъективным неравенством и обобщенным доверием. Попытка внести вклад в научную дискуссию относительно данных вопросов предпринята в настоящем исследовании.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Кроме трудов российских и зарубежных ученых в области доверия и социального неравенства, информационную базу исследования составили репрезентативные социологические данные:

- Европейского социального исследования (The European Social Survey), которое проводится с 2001 г. с периодичностью один раз в два года, участвует более 20 стран (Россия с 2006 г.) (объем выборки — 1500—3000 человек в возрасте 15 лет и старше);
- Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, проводимого НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и ФНИСЦ РАН (объем выборочной совокупности более 7000 домохозяйств и более 18 тыс. проживающих в этих домохозяйствах индивидов);
- общероссийского мониторингового проекта Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (общероссийская выборка 4000 человек);
- Мониторинга общественного мнения Вологодского научного центра РАН. Опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Территория проведения — Вологодская область.

Выявление закономерностей проводилось по данным социологического исследования с использованием анализа двумерных распределений, то есть построения таблиц сопряженности. Расчеты выполнены с помощью программного пакета SPSS.

В основной части исследования рассматривается динамика обобщенного доверия и субъективного социального неравенства в российском обществе на международном, российском и региональном уровнях, выявляются взаимосвязи. Субъективное социальное неравенство измеряется по самооценке материального положения, покупательных возможностей и доходным группам.

Обобщенное доверие — это стандартная переменная, содержащаяся во многих опросах¹, относится к доверию человека к неопределенным лицам, за пределами дружеского круга и членов семьи. Обобщенное доверие обычно измеряется в ответе на вопрос: «Можете ли Вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?» Данная формулировка была предложена Дж. Роттером и М. Розенбергером в середине XX века и по настоящее время используется учеными в области гуманитарных наук для измерения уровня доверия [Rotter, 1967]. Может применяться следующая интерпретация: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?»

В данном исследовании обобщенное доверие измеряется вопросом «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?» (для международных сравнений и национального анализа) и «Кому Вы можете доверять?» (для регионального анализа). Для дополнительной характеристики доверительных отношений выбраны:

— оценка взаимопонимания между людьми, которая измеряется вопросом «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми бедными и богатыми?» (для национального анализа),

— оценка отношения к существующим распределительным механизмам материальных благ между богатыми и бедными, которая измеряется степенью согласия с утверждениями «Богатые становятся богаче, а бедные — беднее», «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (для регионального анализа).

Результаты исследования

Несколько слов о социальном неравенстве в России

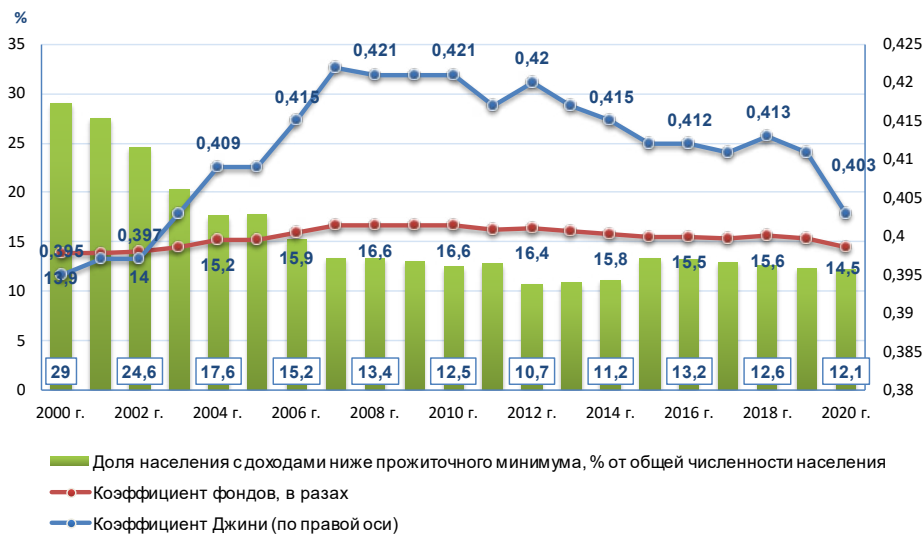
Повышение уровня и качества жизни, сокращение избыточного социального неравенства всегда постулируются как одни из приоритетных целей государственного управления. В частности, об этом говорится в январском (2020 г.) Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ и в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Однако следует понимать, что неравенство и расслоение людей по уровню дохода и материальным возможностям являются неотъемлемыми характеристиками современных экономических систем. «Положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства, и, несмотря на активную социальную политику,

¹ Например, Европейское социальное исследование (The European Social Survey), проводится с 2001 г. с периодичностью один раз в два года; ANES (American National Election Studies), проводится в США с 1980 г. в годы выборов и содержит переменные по доверию; Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, наблюдения ведутся с 1994 г.

до сих пор встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства» [Шкаратан, 2018: 7].

В России достигнуты некоторые успехи в сокращении неравенства и бедности, но проблема по-прежнему актуальна. Согласно официальным статистическим данным, коэффициент фондов, отражающий масштабы расслоения населения по уровню доходов, с 2003 г. не опускался ниже 15 раз (только в 2020 г. зафиксировано значение 14,5 раз). По современным меркам нормальным считается неравенство, при котором отношение доходов 10 % наиболее богатых к доходам 10 % наиболее бедных не превышает 6—8 раз [Анисимова, 2020: 127—128]. Значение индекса Джини, отражающего степень неравномерности распределения населения по денежным доходам, также с 2003 г. стабильно выше 0,400 (см. рис. 1). Такой уровень индекса Джини (выше 0,4), согласно позиции Всемирного банка, свидетельствует о наличии в стране избыточного неравенства².

Рис. 1. Динамика реальных денежных доходов населения и коэффициента фондов в России, 2000—2020 гг.³

Уровень бедности, то есть доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения, несмотря на заметное сокращение в начале «нулевых», с 2008 г. относительно стабильна и колеблется в пределах 11—13 % (см. рис. 1). По состоянию на 2020 г. численность бедного населения составляет 17,8 млн человек, или 12,1 % от общей численности населения. При этом порядка 10 % россиян находятся на границе бедности [Александрова, Ярашева, 2018]. Следовательно, по международным стандартам и по мнению ведущих отечественных исследователей [Глазьев, Локосов, 2012], российское общество уже более

² Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0958-3>.

³ Источник: Уровень жизни // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.08.2021).

двадцати лет находится за допустимыми границами социально-экономического неравенства. Важно и то, что стабилизация показателей неравенства в последние годы обеспечивается за счет снижения доходов наиболее обеспеченных массовых групп населения при одновременном обогащении «элитных и субэлитных слоев» [Тихонова, 2019], но материальное положение наименее обеспеченных групп населения значительно не улучшается.

Динамика обобщенного доверия и оценка социального неравенства в российских реалиях

Россия и европейские страны. Понимание текущей российской ситуации, связанной с обобщенным доверием, требует проведения сравнения с другими странами. Результаты Европейского социального исследования (волна 9, 2018 г.) показывают, что для населения России характерны более низкие показатели обобщенного доверия, чем в странах Европы (в 2018 г. они составили 4,6 и 5,1 балла соответственно; см. табл. 1). Аргументировать сложившуюся ситуацию возможно на основе суждений, отражающих субъективные представления о взаимоотношениях людей (см. табл. 1). Социальное окружение россияне чаще, чем европейцы, оценивают как потенциально не сопереживающее проблемам других людей (средний балл по этой переменной составляет 5,3 балла для России и 5,6 балла для стран Европы). Говоря об искренности и честности, жители России считают, что люди при предоставленной им возможности могут их использовать. В европейских странах население больше верит в то, что люди ведут себя честно (хотя последние замеры 2018 г. показывают схожие оценки по данному вопросу).

Таблица 1. Сравнение Российской Федерации и стран Европы по уровню доверия и субъективным представлениям о взаимоотношениях людей, 2012—2018 гг., средний балл (оценка по 10-балльной шкале, где «0» — негативное суждение, а «10» — позитивное)

Показатели	Российская Федерация				Европейские страны			
	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?	4,4	4,6	4,5	4,6	5,0	5,2	5,5	5,1
Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?	5,1	5,1	5,4	5,3	5,6	5,8	6,0	5,6
По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?	4,6	4,8	4,7	5,1	5,0	5,1	5,5	5,0

Источник: данные ESS. URL: <http://www.ess-ru.ru/>.

Общероссийский уровень. Социологические данные по теме обобщенного доверия, представленные НИУ ВШЭ, свидетельствуют о значительном снижении доверия в современном российском обществе: если в 1991 г. доля доверяющих составляла 37 %, то в период 2016—2019 гг. — не более 16 %. Фиксируется незначительное повышение уровня доверия в 2013 и 2016—2019 гг. (см. табл. 2). Возможным объяснением сдвигов в уровне доверия выступают мировые финансово-экономические кризисы, колебания в российской экономике, решения руководства страны и изменения в доходах граждан. Так, в 2013 г. важным фактором, влияющим на социальное самочувствие россиян, стал рост заработных плат в бюджетном секторе. Согласно «майским» указам президента 2012 г. повышение выплат коснулось военнослужащих силовых структур, федеральных гражданских служащих, работников сферы образования и здравоохранения. Однако в 2014—2015 гг. последовало сокращение совокупного месячного дохода домашних хозяйств от заработной платы на 9,1 %. При этом в 2016 г. доход от выплат по трудоустройству вырос на 10,6 % [Воронин и др., 2019].

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?»

Показатели*	Год										Изм. (+/-) 2019 г. к 1991 г.
	1991 **	2006	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Большинству людей можно доверять	37,4	15,9	15,8	19,4	17,6	14,7	16,0	14,6	15,6	16,4	-21
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	37,4	57,2	47,5	44,8	44,3	42,5	44,3	42,3	44,6	42,6	+5,2
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	22,5	27,0	36,8	35,8	38,1	42,9	39,7	43,1	39,9	41,4	+18,9

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

* Исключаются варианты «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа» так как они не превышают ошибок выборки 3 %.

** Данные того же мониторинга из монографии доктора социологических наук П. М. Козыревой [Козырева, 2011].

Примечательно, что в России практически 30 лет уровень доверия остается на стабильно низком уровне, и вариации в сторону его повышения не выявляются. Однако растет удельный вес рационально настроенных граждан, которые считают, что доверять можно «в зависимости от человека и условий», то есть избирательно.

Переменной, тесно связанной с формированием доверительных отношений, выступает оценка взаимопонимания между людьми. Можно утверждать, что взаимопонимание лежит в основе доверия, так как при отсутствии точек соприкосновения снижается вероятность социальной коммуникации и широкого взаимодействия при решении общих задач. Исходя из логики настоящего иссле-

дования, важным будет рассмотреть отношения групп, различающихся по уровню благосостояния. На фоне стагнации доверия фиксируется следующая тенденция: за период наблюдений доля тех, кто считает, что взаимопонимание бедных и богатых недостижимо, превышает удельный вес ответивших, что взаимопонимание возможно. По итогам опроса 2017 г. сотрудничество бедных и богатых допускают 21 %; 37 %, напротив, говорят, что согласие невозможно. При этом минимальный разрыв между двумя крайними точками изучаемого показателя составляет 18 % в 2017 г., а максимальный — 34 % в 1998 г. Несмотря на то, что в динамике разрыв сокращается, однако остается достаточно существенным (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми бедными и богатыми?»

Показатели*	Год**									Изм. (+/-) 2017 г. к 1994 г.
	1994	1998	2001	2005	2007	2010	2015	2016	2017	
Уверены, что возможно	6,0	5,0	6,2	4,9	6,1	4,9	6,2	5,2	4,0	-2
Пожалуй, возможно	14,5	14,1	15,5	17,2	18,0	16,5	17,3	16,1	17,1	2,6
В чем-то возможно, в чем-то нет	30,1	28,3	36,0	37,1	33,4	33,7	38,0	40,8	41,7	11,6
Пожалуй, невозможно	25,5	25,6	20,9	24,4	24,2	25,6	22,1	21,2	19,0	-6,5
Уверены, что невозможно	23,9	27,1	21,4	16,4	18,2	19,3	16,4	16,7	18,2	-5,7
Затрудняюсь ответить	2,7	5,1	4,1	3,6	2,7	3,4	2,5	2,5	3,3	0,6

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

* Исключаются варианты «отказ от ответа», «нет ответа» так как они не превышают ошибки выборки 3%.

** В 2018—2019 гг. вопрос не задавался.

Выявленные диспропорции относительно взаимопонимания людей из разных полюсов общества свидетельствуют об актуальности проблемы социального неравенства. О глубине социального неравенства и остроте его восприятия говорят социологические данные о значимых социально-экономических проблемах российского общества [Мареева, 2018]. Самым болезненным для современного общества и для домохозяйств является неравенство доходов (84 % и 69 %), при этом в сравнении с данными 2015 и 2018 гг. неравенство доходов стало восприниматься более остро. Несправедливое распределение и перераспределение доходов, богатства и материальных благ ведет к формированию немонетарных неравенств (возможностей), которое выражается в асимметричном доступе к социальным благам и услугам. Неслучайно на втором месте в числе наиболее острых неравенств стоит доступ к медицинской помощи, а на третьем — к жилищным условиям. Обращает на себя внимание тот факт, что за четыре года рейтинг неравенств не изменился, практически по всем типам наблюдается прирост негатив-

ных оценок (см. табл. 4). Следовательно, для современного общества характерно заметное снижение возможностей, обеспечивающих каждому его члену высокий уровень жизни.

Таблица 4. Восприятие остроты различных неравенств россиянами в 2015, 2018 гг., %* (ранжировано по неравенствам, болезненным лично для респондентов)

Тип неравенства	Самые болезненные для общества в целом			Самые болезненные для себя (семьи)		
	2015 г.	2018 г.	Изм. +/- п.п. (2018/2015 г.)	2015 г.	2018 г.	Изм. +/- п.п. (2018/2015 г.)
Доходов	82	84	2	66	69	3
В доступе к медицинской помощи	59	70	11	39	51	12
Жилищных условий	61	64	3	30	36	6
В доступе к хорошим рабочим местам	50	52	2	23	38	15
В возможностях для детей из разных слоев общества	31	33	2	18	19	1
В доступе к образованию	40	48	8	16	23	7
В обладании собственностью	18	20	2	12	16	4
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10	9	-1	11	10	1
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	8	9	1	10	11	1
В физических возможностях	7	6	-1	9	9	0
В возможностях пользования компьютером и интернетом	3	4	1	3	4	1
Таких неравенств нет	3	2	1	9	9	0

Источник: мониторинговое исследование Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах».

* Данные приведены по работающим россиянам.

Приведенные данные формируют представление о социальных проблемах российского общества, однако не отражают связи между неравенством и доверием. Более подробно остановимся на рассмотрении уровня обобщенного доверия в зависимости от материального положения (самооценка), так как именно неравенство по доходам ощущается людьми как самое болезненное для общества в целом и для себя в частности. Результаты российского мониторинга свидетельствуют о том, что малообеспеченные и среднеобеспеченные слои общества с осторожностью относятся к посторонним людям и демонстрируют

более низкий уровень доверия в отличие от высокообеспеченного населения (см. табл. 5). Респонденты, наиболее высоко оценивающие свое материальное благосостояние, чаще отмечают, что большинству людей можно доверять, нежели респонденты с низкими самооценками собственного материального положения (17 % против 10 %). Население, относящее себя к нищим, в большей степени, чем богатые, склонно с осторожностью относиться к незнакомым (47 % против 33 %; см. табл. 5).

Таблица 5. **Уровень обобщенного доверия в зависимости от материального положения, 2019 год (в % по строке)**

Материальное положение (по самооценке)**		Показатели обобщенного доверия*			
		Большинству людей можно доверять	В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	И то, и другое, в зависимости от человека, условий	Затрудняюсь ответить
Нижний уровень	Низшая ступень	10,3	47,4	38,7	3,4
	2-я ступень	12,3	46,4	40,1	1,3
	3-я ступень	15,7	40,9	42,5	0,9
Средний уровень	4-я ступень	16,9	42,1	40,0	0,8
	5-я ступень	16,2	44,6	38,3	0,8
	6-я ступень	18,1	35,1	46,4	0,5
Верхний уровень	7-я ступень	22,0	43,6	33,6	0,6
	8-я ступень	32,1	39,5	27,2	1,2
	Высшая ступень	16,7	33,3	50,0	0,0
Затрудняюсь ответить		15,7	15,7	18,5	22,9

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (PMЭЗ НИУ ВШЭ).

* Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?»

** Ответы на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

Таким образом, для России по сравнению со странами Европы характерен стабильно низкий уровень социального доверия. Отсутствие положительной динамики не позволяет прогнозировать улучшение ситуации в ближайшей перспективе. Существующее недоверие осложняется высоким уровнем социального неравенства, наличием значительных различий в уровне материального благосостояния населения, отсутствием взаимопонимания между бедными и богатыми. Более того, подтвержден факт зависимости уровня обобщенного доверия от материального положения населения.

Региональный уровень (на примере Вологодской области). В условиях федерализма любой социальный феномен развивается, распространяется, а иногда и зарождается в пределах территориальных единиц. Доверие не исключение, поэтому важно проанализировать динамику обобщенного доверия, провести

оценку социального неравенства и выявить их взаимосвязь в региональном пространстве. Представим характеристику перечисленных аспектов на примере одного из регионов России — Вологодской области. Выбор региона обусловлен наличием необходимых социологических данных за продолжительный период времени, не ограниченный одним годом.

Следует обозначить, что в региональном измерении формулировка вопроса, отражающая суть обобщенного межличностного доверия, предлагается в несколько ином виде, чем в общероссийском мониторинге и Европейском социальном исследовании. Представляется, что незначительные несоответствия в инструментарии не исказят основные тренды. Обоснованием является схожее распределение ответов респондентов. В частности, вне зависимости от территории проведения опроса и инструментария доля «доверяющих большинству» ниже удельного веса «не доверяющих». Отметим, что по состоянию на 2021 г. высокий уровень обобщенного межличностного доверия демонстрируют 19% вологжан, тогда как не доверяют никому четверть жителей области (25%). В динамике уровень недоверия в региональном социуме достаточно стабилен (см. табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»**
 (в % от числа опрошенных)

Показатель	Год										Изм. 2021 г. к 2011 г.
	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Только самым близким друзьям и родственникам	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2	56,6	54,1	54,0	55,8	-0,7
В наше время никому нельзя доверять	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8	27,0	28,5	26,5	25,2	0,5
Большинству знакомых мне людей можно доверять, доверять можно всем людям без исключения*	18,6	16,8	15,3	15,1	13,3	12,0	15,2	17,4	19,5	19	0,4

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

* В связи с тем, что доля ответов «доверять всем людям без исключения» мала (2—3%, что не превышает ошибки выборки), для дальнейшего анализа эта группа была объединена с респондентами, считающими, что «большинству знакомых людей можно доверять».

По аналогии с общероссийскими данными рассмотрим оценки жителей региона в отношении существующих распределительных механизмов материальных благ между богатыми и бедными, что отчасти отражает степень взаимопонимания двух полярных слоев общества. Свидетельством несправедливости такого распределения является то, что более половины населения области (56% в 2018—2020 гг.) придерживается мнения «богатые становятся богаче, а бедные — беднее» (см. табл. 7). Данный взгляд разделяет большая часть как мало- и среднеобеспеченного населения, так и представителей высокодоходной группы, среди которых

после 2016 г. отмечается рост доли согласных с этим мнением (с 41% в 2016 г. до 54% в 2020 г.). Наряду с этим в региональном сообществе слабо распространено убеждение о возможности улучшения материального положения за счет приложения собственных усилий, особенно среди малообеспеченных граждан (см. табл. 7). За период наблюдений (2000—2020 гг.) происходят волнообразные изменения: в ходе восстановительного роста экономики уверенность в собственных силах во всех доходных группах повышалась, но в период кризиса и стагнации 2013—2016 гг. веру в собственные силы потеряли мало- и среднеобеспеченные слои населения. К 2020 г. ощущение уверенности в данных слоях укрепилось (19% и 25%). В группе высокообеспеченного населения доля рассчитывающих на себя в деле обеспечения собственного материального благополучия весьма нестабильна (53% в 2014 г., 32% в 2019 г., 42% в 2020 г.). Подобная динамика настроений высокообеспеченного населения, скорее всего, объясняется падением экономической активности в периоды стагнации и экономических кризисов. Представленные данные позволяют сделать вывод, что выявленные пассивные установки бедных и малообеспеченных негативно влияют на их экономическую, прежде всего трудовую, активность, формируют сценарии «недостижения успеха», создавая тем самым опасность углубления социального неравенства в регионе и, как следствие, снижения уровня доверия в обществе.

Таблица 7. **Мнения о жизни в обществе в группах населения Вологодской области, выделенных по уровню дохода (в % от общего числа опрошенных)**

Доходные группы	Год									Изм. 2020 г. к 2010 г.
	2000	2005	2008	2013	2014	2016	2018	2019	2020	
<i>Богатые становятся богаче, а бедные — беднее</i>										
20% наименее обеспеченных	59,8	35,5	45,3	51,9	39,6	51,7	54,9	53,2	53,5	-6,3
60% среднеобеспеченных	55,4	41,4	48,3	45,4	45,3	49,8	59,1	57,5	60,8	5,4
20% наиболее обеспеченных	49,5	35,3	35,4	40,5	34,7	41,0	48,7	50,6	53,8	4,3
В среднем по области	54,6	39,7	45	45,7	41,6	47,7	56,0	55,7	55,9	1,3
<i>Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие</i>										
20% наименее обеспеченных	24,2	21,7	24,9	18,2	11,6	14,6	20,9	22,7	19,3	-4,9
60% среднеобеспеченных	25,6	26,0	34,1	33,0	27,6	24,6	24,2	27,7	24,4	-1,2
20% наиболее обеспеченных	32,8	38,5	51,0	45,5	53,4	44,1	39,4	32,0	42,2	9,4
В среднем по области	27,0	27,9	35,6	32,3	28,9	27,3	26,5	26,6	25,3	-1,7

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

В ходе исследования проанализированы ответы «не доверяющих никому» жителей области в зависимости от уровня дохода и покупательной способности (см. табл. 8). Выявлено, что среди наименее обеспеченного (по уровню дохода) населения выше доля тех, для кого характерна высокая степень недоверия, нежели чем в высокодоходной группе (34 % против 23 % в 2020 г.). С точки зрения качественной характеристики материального положения самых недоверчивых людей больше среди тех, кто может купить только еду, а приобретение других товаров вызывает у них трудности (30 % в 2020 г.). Поскольку анализируемые переменные (самооценка покупательной способности и уровень доверия) принадлежат к номинальной шкале и имеют более двух категорий, то между их кодировками невозможно установить порядкового отношения и, следовательно, они не могут быть расположены в определенном, рационально объяснимом порядке. Наилучшим средством для анализа таких зависимостей считается тест хи-квадрат, а также при необходимости можно провести анализ наблюдаемых и ожидаемых частот, нормированных остатков. Расчеты критерия хи-квадрат за 2019—2021 гг. (см. табл. 8) подтвердили наличие связи между переменными «уровень доверия» и «самооценка покупательной способности».

Таблица 8. Динамика уровня недоверия в группах населения, выделенных по материальным аспектам жизни, % вариант ответа «В наше время никому нельзя доверять»

Материальное положение	Год								Изм. 2021 г. к 2010 г.
	2010	2013	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
<i>Доходные группы</i>									
20 % наименее обеспеченных	34,2	35,3	37,0	36,6	29,2	35,1	40,0	33,7	-0,5
60 % среднеобеспеченных	26,8	27,8	23,4	23,3	26,4	30,6	24,4	21,5	-5,3
20 % наиболее обеспеченных	18,0	20,4	17,2	15,9	19,9	19,3	16,7	22,5	4,5
<i>Покупательная способность*</i>									
Покупка различных товаров не вызывает трудностей	20,4	15,7	н.д.	15,7	24,7	27,3	20,7	15,0	-5,4
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов	19,3	22,1	н.д.	17,4	21,6	24,5	21,5	24,9	5,6
Денег хватает в лучшем случае на еду	39,2	46,5	н.д.	36,9	35,0	33,1	33,4	29,5	-9,7

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

* Критерий хи-квадрат:

2019 год — значение хи-квадрат равно 20,120 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

2020 год — значение хи-квадрат равно 55,120 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

2021 год — значение хи-квадрат равно 37,927 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

Таким образом, наблюдаемая динамика общественного мнения позволяет говорить о том, что региональные данные коррелируют с общероссийскими в части сохранения глубины социального неравенства и отсутствия изменений в уровне доверия. Длительность подобных негативных явлений рискует привести к росту не только социальной, но и психологической дистанции между людьми, обострить отношения между полярными группами, снизить сплоченность российского общества, затруднить прохождение социально-ориентированных правительственных инициатив. В то же время следует понимать, что, во-первых, социальное неравенство — органичный атрибут любого государства, функционирующего в условиях рыночной экономики, во-вторых, изменение притязаний составляет часть человеческой природы, а в-третьих, «механическое» повышение среднедушевых доходов как мера по сокращению неравенства «с определенного момента начинает негативно влиять на качественные характеристики населения (например, его естественный прирост)» [Локосов, Рюмина, Ульянов, 2018: 33]. Поэтому можно предположить, что политика по сокращению неравенства, особенно построенная на денежных вливаниях в оплату труда бюджетной сферы и в адресную социальную поддержку, может не оказать желаемого воздействия на укрепление социального доверия в долгосрочной перспективе. В связи с этим необходимо стремиться к стимулированию общественного доверия и нивелированию негативных последствий неравенства и другими средствами.

Важность решения задачи повышения обобщенного доверия путем сокращения неравенства признается и обсуждается на высшем государственном уровне. Так, в марте 2020 г. состоялось заседание научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства». Участники семинара отметили, что основой роста доверия в стране являются рост экономического благосостояния населения, развитие предпринимательской активности и конкурентных условий ведения бизнеса, сокращение регуляторных и нормативно-правовых рисков. Важными инструментами повышения обобщенного доверия, вносящими вклад и в снижение неравенства, выступают также результативная социальная и экономическая политика, прозрачность деятельности органов власти, активное участие граждан в управлении на разных уровнях. Отдельно выделяются различные формы совместной деятельности людей и проявления гражданской активности. В данном контексте показательно, что в последние годы растет активность экспертных кругов и общественности в плане обсуждения законодательных инициатив (например, дискуссии по поправкам в Конституцию), повышается готовность населения к массовым гражданским акциям и их реализация, что может служить свидетельствами недоверия людей к некоторым законодательным нормам и решениям органов государственной власти⁴. Поэтому

⁴ Материалы научно-методического семинара Аналитического управления в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему: Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 2020. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ZuyffAndc55HCTkMIVsA5A1r22tq2ZQx.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).

важно создавать и развивать условия для законной деятельности объединений людей по решению волнующих их вопросов. Тем более что в российском обществе существует достаточное разнообразие форм совместной деятельности и практик гражданского общества — волонтерство, благотворительность, добровольные объединения, а также некоммерческие организации.

Заключение

Социальное неравенство было, есть и всегда будет неизбежным и необходимым явлением во всех обществах и на всех этапах исторического развития. Современная Россия не исключение. Исследование показало, что в нашей стране сохраняется избыточное неравенство (с 2003 г. коэффициент фондов не опускался ниже 15 раз, а индекс Джинни ниже 0,4). Остроту проблемы и глубину социального неравенства подтверждают общероссийские и региональные социологические данные, подробный анализ которых представлен в статье.

Приведенные расчеты и социологические исследования свидетельствуют, что социальное неравенство воздействует на показатели обобщенного доверия. Взаимосвязь переменных доверия и неравенства подтверждает анализ двумерных распределений и расчеты критерия хи-квадрат. Однако данная связь естественным образом опосредуется воздействием частных факторов личностного восприятия: информированностью, оценкой ситуации, психологическими и этическими установками, осознанием справедливости и др. Так, малообеспеченные граждане причиной бедности называют отсутствие возможности улучшить уровень жизни путем приложения собственных усилий, а высокодоходные группы имеют противоположное мнение, хотя в обществе, тем не менее, доминирует точка зрения, что «богатые становятся богаче, а бедные — беднее».

Но, несмотря на подобные индивидуальные «помехи», мы можем констатировать, что в целом категории неравенства и доверия образуют некий замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга. Практическая задача состоит в том, чтобы найти выход из этого круга безысходности. А это значит создать такие условия для достижения соотношения переменных доверия и неравенства, при которых определенный уровень неравенства в конкретной сфере уравнивается максимально возможным уровнем доверия в той же сфере. Назовем такой уровень неравенства *допустимым неравенством*. В каждом конкретном случае поиск параметров допустимого неравенства является актуальной задачей как для научных, так и для практических работников, аппарата государственного управления. В качестве примера можно напомнить, как решался вопрос допустимого неравенства в сфере заработной платы в Советском Союзе. Тогда использовался метод государственного регулирования путем утверждения отраслевых и профессиональных положений, квалификационных требований, тарифных коэффициентов, тарифных ставок, должностных окладов, премиальных систем, районных коэффициентов и т. п. В условиях рыночной экономики господствует правило частного регулирования, которое при отсутствии необходимой соизмеримости воспринимается как посягательство на социальную справедливость, что влечет за собой снижение доверия к действиям конкретного регулирующего субъекта и государства в целом.

В сохранении социальной стабильности в обществе заинтересованы субъекты общественного сектора, частного бизнеса и государственные структуры. И, по нашему мнению, решение проблемы соотношения социального неравенства и общественного доверия видится в разработке научно обоснованных предложений, воспринимаемых большинством населения как социально справедливые. Выработка таких предложений — перспективное направление для дальнейшего развития настоящего исследования.

Список литературы (References)

Авдеева Д. А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 79—93. <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>.

Avdeeva D. (2019) Trust in Russia and Its Connection With the Level of Economic Development. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 79—93 <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>. (In Russ.)

Александрова О. А., Ярашева А. В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // *Народонаселение*. 2018. № 1. С. 4—22.

Alexandrova O. A., Yarasheva A. V. (2018) Strengthening the Selectivity of Social Policy and Poverty Reduction Prospects. *Population*. No. 1. P. 4—22. (In Russ.)

Анисимова Г. В. Обострение социально-экономического неравенства в России // *Общество и экономика*. 2020. № 9. С. 125—134. <https://doi.org/10.31857/S020736760011355-9>

Anisimova G. V. (2020) The Aggravation of Socio-Economic Inequality in Russia. *Society and Economy*. No. 9. P. 125—134. <https://doi.org/10.31857/S020736760011355-9>. (In Russ.)

Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994—2017 гг. // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. 2019. Вып. 9. С. 7—107.

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O. (2019) Socio-Economic Behavior of Russian Households in 1994—2017. *The Bulletin of the Russia Longitudinal Monitoring Survey National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. No. 9. P. 7—107. (In Russ.)

Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012. № 4. С. 22—41.

Glazyev S. Y., Lokosov V. V. (2012) Assessment of the Critical Threshold Values of the Indicators of the State of Russian Society and Their Use in the Socio-Economic

Development Management. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. P. 22—41. (In Russ.)

Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 252—268. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.16>.
Guzhavina T. A. (2018) Social Capital of the Urban Community: Trust, Solidarity, Responsibility. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 4. P. 252—268. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.16>. (In Russ.)

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.

Darendorf R. (2002) *The Modern Social Conflict. Essay on Politics of Liberty*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Ильин В. А. «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9—23. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1>.
Ilyin V. A. (2017) “Crony Capitalism” — a Source of Social Inequality in Modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 10. No. 6. P. 9—23. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1>. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Kozyreva P. M. (2011) *Trust and Its Resources in Modern Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134—147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) Trust in Unstable Russian Society. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 134—147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>. (In Russ.)

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 121—139. (In Russ.)

Лапин Н. И., Ильин В. А., Морев М. В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 1. С. 4—17. <https://doi.org/10.31857/S013216250008378-8>.

Lapin N. I., Ilyin V. A., Morev M. V. (2020) Extremal Inequalities and the Social State (part 1). *Sociological Studies*. Vol. 46. No. 1. P. 4—17. <https://doi.org/10.31857/S013216250008378-8>. (In Russ.)

Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 32—42. <https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.2>.

Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ul'yanov V. V. (2018) Population Quality and Regional Economy: Direct and Indirect Correlation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 1. P. 32—42. <https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.2>. (In Russ.)

Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 101—120. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>.

Mareeva S. V. (2018) Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 9. No. 3. P. 101—120. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>. (In Russ.)

Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 4. С. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>.

Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova J. V. (2019). Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>. (In Russ.)

Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17—25.

Rukavishnikov V. O. (2008) Interpersonal Trust: Measuring, and Cross-Country Comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17—25. (In Russ.)

Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Seligmen A. (2002) The Problem of Trust. Moscow: Ideya-Press Publishing House. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5—18. <https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9>.

Tikhonova N. E. (2019) Social Policy in Modern Russia: New Systemic Challenges. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 5—18. <https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9>. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Издательство АСТ, 2004.

Fukuyama F. (2004) Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)

Черныш М. Ф. Концептуальные основы социальной политики: достоинство, справедливость, равенство // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 8—30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7051>.

Chernysh M. F. (2020) Conceptual Foundation of Social Policy: Dignity, Justice, Equality. *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 1. P. 8—30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7051>. (In Russ.)

Шабунова А. А., Гужавина Т. А., Кожина Т. П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2. С. 7—19.

Shabunova A. A., Guzhavina T. A., Kozhina T. P. (2015) Trust and Social Development in Russia. *Problems of Territory's Development*. No. 2. P. 7—19. (In Russ.)

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35>.

Shkaratan O. I. (2018) Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia. *Mir Rossii*. Vol. 27. No. 2. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35>. (In Russ.)

Alesina A., La Ferrara E. (2002) Who Trusts Others? *Journal of Public Economics*. 2002. Vol. 85. No. 2. P. 207—234. [http://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00084-6](http://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00084-6).

Algan Y., Cahuc P. (2014) Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. *Handbook of Economic Growth*. Vol. 2. P. 49—120. <http://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2>.

Barone G., Mocetti S. (2016) Inequality and Trust: New Evidence From Panel Data. *Economic Inquiry*. Vol. 54. No. 2. P. 794—809. <http://doi.org/10.1111/ecin.12309>.

Beugelsdijk S., de Groot H., van Schaik A. (2004) Trust and Economic Growth: A Robustness Analysis. *Oxford Economic Papers*. Vol. 56. No. 1. P. 118—134. <https://doi.org/10.1093/oep/56.1.118>.

Cozzolino P. J. (2011) Trust, Cooperation, and Equality: A Psychological Analysis of the Formation of Social Capital. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 50. No. 2. P. 302—320. <https://doi.org/10.1348/014466610X519610>.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in Most People? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.

Esping-Andersen G., Nedoluzhko L. (2017) Inequality Equilibria and Individual Well-being. *Social Science Research*. Vol. 62. P. 24—28. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.12.010>.

Fabian S. (2017) Who are Your Joneses? Socio-Specific Income Inequality and Trust. *Social Indicators Research*. Vol. 134. No. 3. P. 877—898. <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1460-9>.

Fairbrother M. (2013) Two Multilevel Modeling Techniques for Analyzing Comparative Longitudinal Survey Datasets. *Political Science Research and Methods*. Vol. 2. No. 1. P. 119—140. <https://doi.org/10.1017/psrm.2013.24>.

Fairbrother M., Martin I. W. (2013) Does Inequality Erode Social Trust? Results From Multilevel Models of US States and Counties. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 2. P. 347—360. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.09.008>.

Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Simon and Schuster, 1995.

Gaertner S. L., Dovidio J. F., Houlette M. A. (2010) Social Categorization. In: Dovidio J. F. Hewstone M., Glick P., Esses V. M. (eds.) *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. London: Sage Publications Limited. P. 526—543.

Gould E. D., Hijzen F. (2016) Growing Apart, Losing Trust? The Impact of Inequality on Social Capital. IMF Working Paper WP/16/176. International Monetary Fund.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2011) Civic Capital as The Missing Link. *Handbook of Social Economics*. Vol. 1. P. 417—480. <http://doi.org/10.1016/B978-0-444-53187-2.00010-3>.

Gustavsson M., Jordahl H. (2008) Inequality and Trust in Sweden: Some Inequalities Are More Harmful Than Others. *Journal of Public Economics*. Vol. 92. No. 1—2. P. 348—365. <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.06.010>.

Hastings O. P. (2018) Less Equal, Less Trusting? Longitudinal and Cross-Sectional Effects of Income Inequality on Trust in U. S. States, 1973—2012. *Social Science Research*. Vol. 74. P. 77—95. <http://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.04.005>.

Hosking G. (2010) *Trust: Money, Markets, and Society*. London: Seagull Books.

Hu A. (2017) On the Relationship Between Subjective Inequality and Generalized Trust. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 49. P. 11—19. <http://doi.org/10.1016/j.rssm.2017.03.003>.

Janmaat J. G. (2013) Subjective Inequality: A Review of International Comparative Studies on People's Views About Inequality. *European Journal of Sociology*. Vol. 54. No. 3. P. 357—389. <http://doi.org/10.1017/S0003975613000209>.

Leigh A. (2006a) Does Equality Lead to Fraternity? *Economics Letters*. Vol. 93. No. 1. P. 121—125. <http://doi.org/10.1016/j.econlet.2006.04.003>.

Leigh A. (2006b) Trust, Inequality and Ethnic Heterogeneity. *Economic Record*. Vol. 82. No. 258. P. 268—280. <http://doi.org/10.1111/j.1475-4932.2006.00339.x>.

Nishi A., Shirado H., Rand D. G., Christakis N. A. (2015) Inequality and Visibility of Wealth in Experimental Social Networks. *Nature*. Vol. 526. No. 7573. P. 426—429. <http://doi.org/10.1038/nature15392>.

Putnam R. D. (2015) *Our Kids: The American Dream in Crisis*. New York, NY: Simon & Schuster.

Rothstein B., Stolle D. (2008) The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust. *Comparative Politics*. Vol. 40. No. 4. P. 441—459. <https://doi.org/10.5129/001041508X12911362383354>.

- Rotter J. B. (1967) A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust. *Journal of Personality*. Vol. 35. No. 4. P. 651—665. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1967.tb01454.x>.
- Tumin M. M. (1953) Some Principles of Stratification: A Critical Analysis. *American Sociological Review*. Vol. 18. No. 4. P. 387—394.
- Uslaner E. M. (2008) Where You Stand Depends on Where Your Grandparents Sat: The Inheritability of Generalized Trust. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 4. P. 725—740. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn058>.
- Uslaner E. M., Brown M. (2005) Inequality, Trust, and Civic Engagement. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 6. P. 868—894. <https://doi.org/10.1177/1532673X04271903>.
- Whyte M. (2010) *Myth of the Social Volcano: Perceptions of Inequality and Distributive Injustice in Contemporary China*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Wilkinson R. G., Pickett K. E. (2009) Income Inequality and Social Dysfunction. *Annual Review of Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 493—511. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115926>.
- Yamagishi T. (2011) *Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society*. Springer.
- Zak P. J., Knack S. (2001) Trust and Growth. *Economic Journal*. Vol. 111. No. 470. P. 291—321. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00609>.